

ЮРИДИЧНИЙ ВІСНИК

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

LAW HERALD

Научно-публицистический
журнал

3.95

Главный редактор: М.Ф.Орзих

Редакционная коллегия:

В.Б.Аверьянов

Л.В.Багрий-Шахматов

М.А.Баймуратов (отб. секретарь)

В.С.Балух

А.С.Васильев

А.А.Капука

А.В.Луныченко

Д.Т.Мазур

В.К.Мамутов

Б.А.Пережняк (зам.гл.редактора)

В.А.Серафимов

Технические редакторы:

А.А.Шевелев, С.С.Ужевский

Корректоры:

С.Н.Ермошкин, Л.П.Зеленко

Адрес редакции:

Украина, 270058, г.Одесса,
Французский бульвар, 24/26, каб. 33, 37.
Тел.: 633-259, 682-593

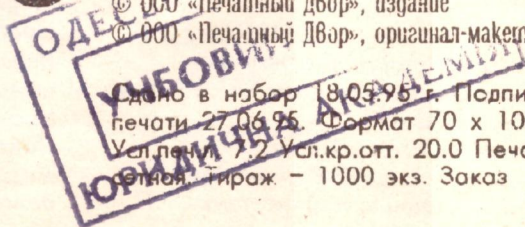
Журнал зарегистрирован в
Одесском областном управлении по пе-
чати 12 ноября 1993 г.
Свидетельство о регистрации ОД № 189.

Публикуемые материалы выражают пози-
цию автора, которая может не совпадать с
мнением редакции. За достоверность фак-
тов, статистических данных и других мате-
риалов ответственность несет автор или
лицо, предоставившее материал. Перепе-
чатка материалов допускается с разреше-
ния редакции.

© ООО «Печатный Двор», издание

© ООО «Печатный Двор», оригинал-макет, 1995

Введен в набор 18.05.95 г. Подписано к
печати 27.06.95. Формат 70 x 100 1/16
Усл.печ. л. 2 Усл.кр.отт. 20.0 Печать оф-
сетная. Тираж — 1000 экз. Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

Законодательство и документы

Постанова

Верховної Ради України "Про звернення пенсіонерів, ветеранів війни та праці" 4

Обращение

Советов Киевских городской и областной организаций ветеранов Украины, поддержанное Советом организации ветеранов Украины. . . 4

Из доклада

Президента Украины Л.Кучмы. . . 6

Закон

України "Про внесення змін і доповнень до Закону Української РСР "Про бюджетну систему Української РСР" 7

Постанова

Верховної Ради України "Про введення в дію Закону України "Про внесення змін і доповнень до Закону Української РСР "Про бюджетну систему Української РСР" 27

Указ

Президента Украины "О положении об областной, Киевской, Севастопольской городской государственной администрации и Положении о районной, районной в городах Киеве и Севастополе государственной администрации" . . . 28

Положение

об областной, Киевской, Севастопольской городской государственной администрации 29

Положение

о районной, районной в городах Киеве и Севастополе государственной администрации 41

Указ

Президента Украины "Об органах государственной исполнительной власти Автономной Республики Крым" 53

Закон

Украины "О научной и научно-технической экспертизе. 55

Постановление

Верховного Совета Украины "О введении в действие Закона Украины "О научной и научно-тех-

нической экспертизе" 66

Постановление

Верховного Совета Украины "Об утверждении Положения о порядке оформления и использования прав на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, представляющие государственную тайну" 66

Положение

о порядке оформления и использования прав на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, представляющие государственную тайну 67

Указ

Президента Украины "Питання Комітету по Державних преміях України в галузі науки і техніки" 70

Положення

про Комітет по Державних преміях України в галузі науки і техніки. 70

Положення

про Державні премії України в галузі науки і техніки 72

Указ

Президента Украины "О государственной поддержке научных учреждений, работающих над новейшими научно-техническими разработками" 74

Указ

Президента Украины "Про утворення Державного комітету України з питань науки, техніки та промислової політики" 74

Постанова

Кабінету міністрів України "Про розмір стипендій для молодих учених" 75

Указ

Президента Украины "Про державне регулювання відносин у сфері торгівлі" 75

Постанова

Верховної Ради України "Про затвердження положень щодо захисту прав споживачів" 77

Закон

України "О внесении изменений и дополнений в некоторые законода-

СОДЕРЖАНИЕ

Защита прав человека и гражданина

тельные акты Украины об ответственности должностных лиц" 78

Постановление

Верховного Совета Украины "О порядке введения в действие Закона Украины "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Украины об ответственности должностных лиц" .. 84

Постанова

Кабінету Міністрів України "Про порядок надання фінансової підтримки підприємствам" 92

Право и экономика

И.Сирота

Юридическая работа на предприятиях хозяйственного комплекса страны 85

А.Білоусов

Банкротство: законодательство і судова практика 89

Право и научно-технический прогресс

П.Задирако, В.Туманов

Правовая защита интеллектуального труда и его результатов: к современной постановке проблемы 93

Н.Мироненко

Государственная научно-техническая политика Украины в условиях преодоления экономического кризиса: состояние и перспективы 100

Ю.Капица

Передача технологий: государственное регулирование .. 106

Н.Галантич

Патентный суд Украины: проблемы теории и практики создания 112

И.Кучерина

Организационно-правовая природа технополиса 119

А.Луценко

Возмещение морального ущерба за вред, причиненный работнику увечьем либо иным повреждением здоровья 126

Борьба с преступностью

Л.Вагрий-Шахматов, В.Туляков.

Виктимизация как криминогенный фактор 131

Проблемы и суждения

М.Орзих

Конституционное право: отрасль права, законодательства и юридическая наука 139

В.Шишкин

Состязательность в судебном процессе по уголовным делам ... 145

Украина и мир

Б.Футей

Федеральні суди у Сполучених Штатах Америки 150

Научная жизнь

Третій рік шляху 155

Персоналии

70-летие

Марка Филипповича Орзих 159

Наши авторы 161

РЕДАКЦИЯ:

М.Орзих,

Б.Пережняк,

М.Баймуратов

ВИКТИМИЗАЦИЯ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Л. Багрий-Шахматов, В. Туляков

Виктимизация населения как совокупность определенных процессов, способствующих превращению граждан в потенциальных жертв социально опасных явлений, обладает значительным и не исследованным криминогенным потенциалом. Известно, что предупреждение преступности и обеспечение общественной безопасности является одной из основных задач внутренней политики государства. Для этих целей за деньги налогоплательщиков содержится колоссальный аппарат уголовной юстиции, органов, ведающих исполнением наказания. И если государство не смогло обеспечить личную безопасность гражданина и защитить его от преступных посягательств, то оно должно нести ответственность за причиненный ущерб. Подобное положение отражает реальные ожидания граждан, заинтересованных не только в создании системы социальной помощи, но и в действенной защите своих конституционных прав и свобод. Именно улучшение доступа жертв преступлений к системе уголовного правосудия и справедливому обращению с ними, а также создание специальных программ помощи, реституции и компенсации потерпевшим от преступлений способны в какой-то мере снизить страх населения перед преступностью, содействуя одновременно кооперации граждан с системой политической власти, расширению демократических начал управления обществом, снижению уровня преступности. В силу этого страны, где общественное мнение имеет наибольший вес при осуществлении законотворчества, где уровень страха перед преступностью превышал допустимые мерки, первыми ввели в действие комплекс нормативных актов, направленных на за-

щиту тысяч жертв преступлений.

В сентябре 1985 г. VII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями принял Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. 29 ноября 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН консенсусом утвердила эту Декларацию [1]. Декларация определяет основные направления поддержки и содействия жертвам преступлений и злоупотреблений властью, такие как внедрение международных стандартов доступа потерпевших к системе правосудия и государственной поддержки, криминально-правовую реституцию, компенсацию потерпевшим из государственных фондов, оказание необходимой материальной, медицинской, психологической и социальной помощи потерпевшим по правительственным, добровольным, общинным и местным каналам (ст. 14). Впервые разработав основы системы поддержки и защиты жертв преступлений и злоупотреблений властью на международном и национальном уровне, Декларация ООН в процессе ее реализации послужила базисом для создания новых, более совершенных международно-правовых механизмов и документов. Так, согласно решениям VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1990 г.), в 1995 г. экспертами ООН должен быть разработан проект международной конвенции о содействии странам в оказании помощи жертвам виктимизации и организации ее ограничения и профилактики [2]. На региональном уровне важным шагом было принятие Советом Европы Конвенции по компенсации жертвам насильственных преступлений, открытой для подписания 24 ноября 1983

г. Согласно положениям этой Конвенции для членов Совета был рекомендован минимальный стандартный уровень обеспечения государством процесса компенсации потерпевшим от преступления [3].

В процессе построения нормативной базы правового государства Украины законодатель обратил внимание на необходимость коренного изменения правового статуса жертв преступных посягательств, создания соответствующих механизмов государственной компенсации потерпевшим. Так, в соответствии с Постановлением Верховного Совета Украины от 26 января 1993 г. "О состоянии исполнения законов и постановлений Верховного Совета Украины по вопросам правопорядка и мерах по усилению борьбы с преступностью" Кабинету Министров рекомендовано принять меры по созданию специального государственного фонда возмещения ущерба потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью. Положения, касающиеся организации государственной поддержки жертв преступных посягательств, содержатся в Государственной программе борьбы с преступностью и в Законе Украины "Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью" [4].

Вместе с тем, теоретическая база виктимологического законодательства в отечественной науке практически отсутствует. Проблемы виктимологии находят свое частичное отражение в проводимых в стране криминологических исследованиях, в переводных практических пособиях потенциальным потерпевшим [5]. Значительное количество собственно виктимологических и разносторонних исследований выполнено российскими учеными, учеными иных стран СНГ [6]. При этом внутренняя логика этих исследований свидетельствует о наблюдающемся переходе от конкретного изучения виктимогенных структур непосредственной жизни индивидов в рамках

криминологии к относительно самостоятельному комплексному изучению социальных факторов на предельных уровнях обобщения.

Можно предположить, что современная виктимология как комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвы преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцы и пр.), и мерах помощи таким жертвам структурно состоит из следующих взаимосвязанных разделов:

- общая "фундаментальная" теория виктимологии, описывающая феномен жертвы социально опасного проявления, его зависимости от социума и взаимосвязи с иными социальными институтами и процессами;

- частичные виктимологические теории среднего уровня (криминальная виктимология, деликтная виктимология, травматическая виктимология и др.);

- прикладная виктимология (эмпирический анализ, разработка и внедрение специальных техник превентивной работы с жертвами, технологий социальной поддержки, механизмов реституции и компенсации, страховых технологий и пр.).

При таком (хотя и небесспорном) понимании виктимология как специальная социологическая теория [7] осуществляет "сквозной" комплексный анализ феномена жертвы, исходя из теоретических представлений и моделей, первоначально разработанных в сфере иных социальных дисциплин (права, криминологии, политологии, теории управления, социальной работы, конфликтологии, социологии отклоняющегося поведения). Уникальность виктимологии как раз и состоит в ее комплексном синергетическом и сфокусированном подходе к изучению популяций и кризисных явлений, лишь отчасти изучавшихся ранее в рамках конкретных социальных наук. По сути дела, данная дисциплина служит ос-

мыслению новых взаимоотношений и динамических связей между жертвами и социально опасными проявлениями среды обитания, интегрируя воедино лучшие достижения традиционных, устоявшихся учений.

В рамках подобного подхода можно выделить следующие общетеоретические проблемы отечественной виктимологии:

— понимание взаимоотношений “вредоносное явление” — “жертва”, “правонарушитель-жертва” как нормального конфликта между различными способами сосуществования, гармоничными и дисгармоничными взаимоотношениями социальных систем, явлений, субъектов и процессов в рамках объективных закономерностей мироустройства [8]; осуществление системно-структурного, синергетического анализа таких конфликтов, приводящего к характеристике виктимности как признака, имманентно присущего процессу социализации определенной части населения;

— осознание места и роли глубинных социальных процессов на коллективную и индивидуальную виктимизацию (злоупотребления со стороны государства, корпоративные нарушения прав потребителей, нелегальное предпринимательство, массовые и индивидуальные нарушения прав человека, пытки, незаконные эксперименты над людьми, геноцид, апартеид и пр.) и, соответственно, на преступность в целом;

— теоретический анализ значения ценностно-нормативной структуры общества и отдельных социальных групп в процессах коллективной, групповой, межгрупповой и индивидуальной виктимизации (агрессивные субкультуры, сексуальная эксплуатация, конфликты социальных норм, тотальная зависимость социальной активности от совокупности позиций, заданных обществом и др.);

— исследование места и роли виктимологии в процессе гуманизации системы социального контроля, формиро-

вания политики помощи жертвам, ориентированной на реальные потребности существующих, а не гипотетических жертв;

— осознание значения международно-правовых институтов и механизмов для ограничения и предупреждения виктимизации, организации рациональной виктимологической политики на отечественном и международном уровнях [9].

Реализация подобного подхода с позиций криминальной виктимологии означает прекращение объективно существующих попыток дистанцироваться от преступника при изучении его взаимоотношений с жертвой. К сожалению, в общественное сознание продолжает внедряться стереотипное восприятие преступности как некоего монстра, находящегося вне рамок социума, причем последний, соответственно, пребывает в состоянии перманентной войны со своими врагами — преступниками. Игнорирование связи преступности с самим обществом либо вульгарно-материалистическое толкование ее жесткой причинной зависимости от кризисных явлений в нем, сопряженные с политической истерией, вызывающей только эмоции вместо конструктивной политики, приводит к поискам пресловутых различий между преступниками и жертвами преступлений, между тем как преступник, так и его жертва — суть продукты сходных социальных условий и само преступление есть в большей степени результат определенных социальных воздействий, нежели результат “злой воли” его исполнителя.

Так, “шараханья” в экономической и социальной политике приводят к снижению роли права как универсального регулятора общественных отношений. Утрата чувства уверенности в завтрашнем дне, неверие в собственные силы порождают у граждан страны состояния социальной пассивности,

апатии, фрустрированности и аномии. В таких условиях преступность чаще всего проявляется либо в криминализованной форме социального протеста (общеуголовная насильственная преступность взрывного, "импульсивного" характера, массовые беспорядки, политические преступления и отчасти терроризм), либо в форме криминального перераспределения национального дохода (экономические преступления и злоупотребления, массовые хищения, бандитизм, рэкет, коррупция). Когда экономическое отчуждение вызывает тотальную виктимизацию граждан, в определенной социальной среде соотношение "преступник-жертва" зависит более от случая, чем от антиобщественной либо просоциальной направленности личности. В таком контексте упрощенным выглядит подход, при котором одна сторона рассматривается как злонамеренный преступник, нуждающийся в жестоком и неотвратимом наказании, а другая — как невинная жертва, требующая vindication [10]. Эзза Фаттах в своей лекции "Взаимозаменяющиеся роли жертвы и правонарушителя" по этому поводу указывает: "1) Существует жесткая связь между виктимизацией и антисоциальным поведением; они являются двумя сторонами одной монеты. В силу этого представляется невозможным правильно и полностью осознать один феномен при игнорировании другого. 2) Популяции жертв и преступников не являются, как представляется обычно, двумя различными и взаимоисключающими популяциями. Они, как указывает профессор Анттила, являются гомогенными и в большинстве случаев взаимоперекрывающимися. Вчерашние жертвы зачастую становятся сегодняшними преступниками, а сегодняшние преступники нередко являются завтрашними жертвами. 3) Социальные роли жертвы и правонарушителя не являются фиксированными, номинированными или ста-

тичными. Они динамичны, изменчивы и взаимообменны. Один и тот же индивидуум может успешно либо даже произвольно переходить от одной роли к другой" [11].

Указанные положения имеют существенное значение для дальнейшего развития теории виктимологии и социальной превенции. Можно выделить по крайней мере три основных направления подобного рода исследований:

1) изучение социальных аспектов взаимодействия виктимизации населения и преступности на предельных уровнях обобщения (макроуровневые характеристики виктимизации);

2) анализ криминогенности виктимизации в относительно гомогенной среде общеуголовных преступников и их жертв;

3) определение места и роли виктимизации в генезисе индивидуального преступного поведения (микроуровневое криминологическое исследование).

В целом, существование односторонних и однонаправленных статистически значимых связей между преступностью и виктимизацией населения на макроуровне никем не оспаривается. Факты изменения уровня виктимизации в зависимости от характеристик динамики преступности очевидны и не нуждаются в количественной проверке и квалификации. Вместе с тем являясь генетически связанными и взаимообусловленными социальными феноменами, виктимизация населения и преступность выступают как единство и порождение одних и тех же противоречий социального развития общества, изменяясь в пространственно-временных рамках предположительно в корреляционной зависимости друг от друга. Вполне возможно и теоретически допустимо описание и определение преступности и виктимизации как своеобразных форм проявления социальной активности, реализующихся в совокупности актов отклоняющегося поведения.

Разумеется, в ненормальном, раздираемом противоречиями собственного роста обществе стремление обороняться, тотальное чувство страха перед преступностью и соответствующие им поведенческие реакции добропорядочных граждан являются скорее нормой, чем девиацией. Времена перестройки принесли первых собственников, охранявших свои приусадебные участки с помощью крысиной отравы, оставленной в положенной на видное место бутылке водки. Дальше — больше. "Они не пройдут!" — в очередной раз убеждали средства массовой информации, сопровождая это фотографией расчлененного трупа [12], — и население срочно закупало газовые баллончики и пистолеты, приобретал охотничьи ружья, укрепляло замки, двери, зарешечивало окна, ограничивало вечерние встречи и прогулки, трясаясь при виде случайного прохожего и при звуке любого неожиданного звонка во входную дверь. Еще немного, — и в сельских районах начнется пора отстрела бродяг и время постановки медвежьих капканов на автомобильных и квартирных воров в городах. К сожалению, современные статистические исследования (точнее, их практическое отсутствие в этой области) не могут, как правило, дать ответа на вопрос, каким образом предшествующие уровни виктимизации населения влияли на последующие изменения уровня преступности. Презюмируемое наличие связи состояний между этими явлениями нуждается в количественной и качественной проверке. Виктимизация как воплощение социального опыта обороны правопослушных граждан от преступных посягательств с трудом поддается количественному анализу. Вместе с тем, использование имеющихся в распоряжении социологов методик проведения демоскопии и их первоначальных результатов [13] позволяет осуществлять более эффективное ограничение преступности в конкретных региональных условиях.

На уровне малых групп и сообществ основной проблемой, требующей разрешения, является установление особенностей формирования и функционирования стереотипов криминального (и, прежде всего, насильственного поведения) в зависимости от совместной групповой деятельности и их влияния на виктимизацию членов сообщества и последующее совершение ими преступлений. Необходимость проведения подобного анализа вытекает из того, что в социальных группах, из числа которых, как правило, происходят общеуголовные преступники, "преступное поведение репродуцируется не конкретной ситуацией, наоборот, такие образования (группы с отклоняющимся поведением — Л.В.-Ш., В.Т.) гомогенны, а под влиянием внутригрупповых антиобщественных норм и стереотипов значительная часть подобных актов... реализуется в маргинальной среде и остается латентной, но в конце концов проявляется вовне, "генерируя" преступление" [14].

Ответ на вопрос, почему вчерашняя жертва становится преступником, вплотную зависит от общественных, микросоциальных отношений, в которые включен человек, от социокультурных правил поведения, соблюдаемых его ближайшей социальной средой и интериоризируемых самим индивидом [15]. Учитывая, что внешними и генетически первичными предпосылками возникновения преступного поведения являются своеобразные асоциальные обычаи микросоциальной среды, усваиваемые личностью, можно предположить, что определенные дефекты нравственного сознания, возникающие в процессе осознания собственной виктимизации (например, идентификация себя как маргинала), в состоянии впоследствии катализировать преступное поведение. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых доказали, что вербальное, эмоци-

ональное и физическое насилие в семье, воспитание детей с помощью агрессивных методов и средств, применение к ним телесных наказаний ведут, как правило, к продуцированию такого насилия со стороны детей в более зрелом возрасте. Более того, изучение массы карьер насильственных преступников свидетельствует, что большинство из них становилось жертвами преступных посягательств со стороны членов семей либо ближайшего социального окружения еще в раннем детстве. Когда языком внутрисемейных отношений выступает кулак, когда дети с юных лет усваивают, что лучшим способом добиться чего-либо в жизни является принуждение себе подобных, они начинают себя вести таким же образом. Попадая во взрослый мир, человек, усвоивший исключительно насильственные стереотипы общения и поведения, оказывается практически неспособным к нормальной социализации. Он не в состоянии нормально действовать на работе, в среде друзей, с близкими людьми. Результатом его взрывчатости и конфликтности, неприкрытой агрессии к окружающим является еще большее его отчуждение от социума, восприятие общества как потенциально враждебного окружения, единственно возможным способом сосуществования с которым является агрессия. Такие люди практически становятся вовлеченными в деструктивную спираль поведения, которую они не начинали, которую они не понимают и которая отталкивает их все дальше и дальше от ответственной, разумной и благополучной жизни [16].

Ретроспективное исследование преступных карьер и их связи с виктимизацией волей-неволей способствует осознанию и того факта, что большинство жертв и преступников являются людьми одного круга, происходящими из идеатичной социальной среды, характеризующимися одинаковым образом жизни и манерами и стереотипами

поведения. Не останавливаясь на широко описанном феномене "виновного" поведения жертвы, отметим, что общеуголовные преступники и их жертвы характеризуются сходной направленностью личности, приобретаемой, как известно, именно в процессе социального общения и развития. Так, В.Я.Рыбальская, вводя в научный оборот понятие виктимогенной деформации как комплекса личностных черт, повышающих риск стать жертвой преступления, отмечает, что виктимогенная деформация личности имеет значительное сходство с антиобщественной направленностью, но отличается меньшей интенсивностью [17].

Разумеется, исследование взаимосвязей виктимизации и преступности на уровне малых социальных групп не может ограничиваться только и исключительно социально-психологической по характеру проблемой анализа места и роли внутригрупповых стереотипов поведения на виктимизацию личности и последующее совершение ею преступления. Значительный интерес представляют исследования вопросов значения группового отчуждения в детерминации виктимизации (феномен "париев", осужденные-жертвы) и преступности, равно как и роли экономической, расовой, ролевой и политической депривации, дискриминации и эксплуатации определенных социальных групп и связей этих явлений с виктимизацией и криминальными карьерами участников таких групп.

На индивидуальном уровне изучение взаимосвязи виктимизации и преступного поведения может быть осуществлено в процессе анализа социогенеза индивидуального поведения посредством описания развития и взаимообуславливания различных форм индивидуального отклоняющегося поведения (виктимного и правонарушающего), дифференцированных по нормативному и функциональному критериям. Представляется вполне допустимым, что последствиями

первичной виктимизации будущего преступника могут выступать искажение избирательного отношения личности к конструктивному разрешению конфликтных ситуаций, формирование у подобного лица высокой степени антиобщественной направленности личности и специфических криминальных стереотипов реагирования на конкретные криминальные ситуации, жертвой которых она оказывалась ранее. Процесс формирования будущей преступной активности индивида возможно зависит от длительности, частоты и интенсивности попадания личности в виктимогенные ситуации. Приобретение жертвой опыта общения с правонарушителями, потеря чувствительности к насилию как обычному способу разрешения конфликтных ситуаций, ожесточение, научение, имитация, подражание, заражение, идентификация, — вот далеко не полный перечень переменных, влияющих на формирование у жертвы мотивационной готовности к совершению преступления. Исследование места и роли этих составляющих в механизме преобразования жертвы преступления в потенциального преступника только начинается, однако представление о том, что частота и интенсивность виктимизации является фактором, во многом определяющим будущее преступное поведение индивида, не лишено оснований.

Это позволяет обратиться к обсуждению вопроса, имеющего не столько теоретическое, сколько прикладное значение. Если определенная доля правонарушителей и преступников генерируется из среды потерпевших от преступлений, то пришла пора говорить об определенной смене приоритетов в деятельности по профилактике преступлений. Концепция социального воздаяния (реализующаяся в негативной реакции общества на совершенное преступление) должна быть дополнена концепцией социального партнерства. Известно, что основные мировые стра-

тегии профилактики преступности (общесоциальная профилактика, ситуационное предупреждение, общинная профилактика) неэффективны без широкого привлечения населения. Преступность как сложная ситуационная система со слабопредсказуемым и уникальным развитием не может быть познана, понята и ограничена без должного понимания феномена виктимности и виктимизации. В этой связи в комплексе нормативных актов превентивного характера должны приниматься не столько законы, связанные со столь лакомым для политиков и столь неэффективным на практике усилением тотальной войны с преступностью, сколько нормы, направленные на интеграцию потенциальных и существующих потерпевших в нормальную жизнь. К числу подобного рода нормотворческой деятельности может быть отнесена:

1) Разработка Государственной концепции помощи жертвам преступлений и злоупотреблений властью, а также иным лицам, пребывающим в кризисном состоянии, наряду с разработкой специального законодательства, направленного на распространение единых государственных средств социальной, правовой и материальной помощи на всех жертв преступлений и введение особых мер защиты для государственных служащих.

2) Легализация схем компенсационной поддержки потерпевших за счет средств децентрализованных фондов поддержки, формирующихся посредством наложения на преступников дополнительных судебных издержек.

3) Создание государственно-общественной системы виктимологической профилактики граждан, основанной на специальном законе прямого действия "О потерпевших от преступления и злоупотребления властью", концептуальные положения которого уже разработаны.

Основанная на профилактическом

законодательстве партнерского, а не конфронтационного уровня организация практической помощи жертвам преступлений на юридическом (помощь адвокатов, органов системы уголовной и административной юстиции, иных государственных органов), социальном (социальное и медицинское обеспечение и страхование, иные формы социальной защиты и помощи) и индивидуальном (смягчение психических, физических и социальных последствий преступления и злоупотребления властью) уровнях в состоянии, на наш взгляд, с минимальными затратами и максимумом эффективности содействовать снижению уровня напряженности в обществе и ограничению преступности.

Литература:

1. См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. Нью-Йорк, Департамент общественной информации ООН, 1988.-8 с.
2. См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: осуществление выводов и рекомендаций Седьмого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.-Доклад Генерального Секретаря Комитета ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней-Документ E/AC.57/1990/3., 15 декабря 1989 года. 3. A.Tsitsura The European Convention on the compensation of victims of violent crime //Towards a Victim policy in Europe.-Helsinki, 1984.-P.133,145; Recommendation on assistance to Victims and the prevention of Victimisation // Council of Europe, 1987.-Doc. NR (87)21. 4. См.: Державна програма боротьби із злочинністю //Урядовий кур'єр.-1993.-5 серпня; "Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью": Закон Украины от 30 июня 1993 г.//Голос Украины.- 1993.-6 августа. 5. См.: Криминальная полиция советует, как не стать жертвой преступления: пер. с нем./Сост.В.Ковальский.-К.:Гражданский мир,1992.-С.96. 6. См., например: Франк Л.В. Викимнология и виктимность.- Душанбе, 1972; Ривман Д.В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка.-Л.,1973; Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления.-Горький, 1979; Коновалов В.П. Викимнизация

и ее статистическое выражение.- Душанбе,1979; Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности.- Нальчик: Нарт, 1991. 7. См.: Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория //Социологические исследования.- 1991.-№4.-С.72-73.; Франк Л.В. Викимнология и виктимность.- Душанбе,1982.-С.112. 8. См.: Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России //Социологические исследования.-1993.-№9.-С.22; Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания //Социологические исследования.-1993.- №8.-С.12-13. 9. См.: Туляков В.А. Проблемы развития отечественной виктимологии //Юридический вестник.-Одесса,1994.-№1. 10. Viano E. Victimology: a new focus to research and practice//Victimology/-NY,1988.-p.XX. 11. Fattah E. The interchangeable roles of victim and victimizer. Second Inkeri Anttila Honour Lecture / /HEUNI Papers.-1994.-№3.-P.3,12. 12. Кстаи, проблема влияния средств массовой информации на преступность далеко не так однозначна, как порой кажется. Так, например, по данным Российского института социологии парламентаризма 71% российских граждан убеждены, что государство не защищает их; 56% взрослого населения боятся выйти на улицу с наступлением темноты; 21% граждан не чувствует себя в безопасности в собственной квартире; 49% граждан хотят приобрести огнестрельное оружие. См.: Криминальная хроника.-1994.-Вып.12.-С.1. Верификация подобного рода показателей в качестве постоянных, характеризующих процесс виктимизации в целом, позволяет подвергнуть его нормальному статистическому анализу. 14. Миньковский Г.М. Взаимосвязь социологического и криминологического подходов к изучению преступности //Социологические исследования.-1984.-№4.-С.186. 15. См.: Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика.-М.: Наука, 1985.-С. 113. 16. См.: Туляков В.А. Криминологические проблемы борьбы с социально-негативным поведением.-Канд. дисс.,1986.-С.70-138., Viano E. Empowering the family //Peace review.-1994.-Vol.6.-P. 200-201. 17. См.: Рыбальская В.Я. Викимнологическая характеристика несовершеннолетних преступников //Викимнологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. тр.-Иркутск, 1988.-С.44.

© Л.Багрий-Шахматов, В.Туляков, 1995